Федор РАЗЗАКОВ
Кристина Орбакайте
Триумф и драма

Федор Раззаков

Кристина Орбакайте. Триумф и драма

«Эксмо»

2010

Раззаков Ф. И.

Кристина Орбакайте. Триумф и драма / Ф. И. Раззаков — «Эксмо», 2010

Есть мнение, что на детях знаменитых людей природа отдыхает. И мы знаем множество подобных примеров, когда звездные отпрыски не только не сумели достигнуть славы своих родителей, но и вообще добиться сколь-нибудь значимого положения в обществе. Но есть и яркие исключения. Кристина Орбакайте – из их числа. Уже в 12-летнем возрасте она с блеском дебютировала в кино как драматическая актриса, и с этого момента начался ее путь к триумфу. Творчество одаренной девушки распространилось сразу на три области: кино, театр и эстрада. И всюду она демонстрировала свою одаренность и редкостный талант. Тем не менее судьба не раз преподносила Кристине жестокие сюрпризы. Вот и осенью 2009 года в жизни Орбакайте развернулась драма сродни шекспировской. Даже у ее матери, пережившей весьма бурную личную жизнь, не было ничего подобного: никто и никогда не пытался отобрать у Аллы Борисовны ребенка. А Кристине, долгие годы олицетворявшей собой идеал любящей матери, не повезло… Не повезло? Может быть, драма, за развитием которой с волнением следили миллионы россиян, давно таилась за ослепительным блеском звездных декораций и только ждала своего часа?Книга Федора Раззакова пытается дать исчерпывающий ответ на этот вопрос.

© Раззаков Ф. И., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 17
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Федор Раззаков
Кристина Орбакайте. Триумф и драма

Глава первая
Гадкий утенок

Кристине Орбакайте изначально суждено было стать артисткой – так сказать, по наследству. Ведь ее родители – знаменитая певица Алла Пугачева и цирковой артист Миколас Орбакас. И хотя родители, производя на свет свое дитя, не задумывались о продолжении актерской династии, однако сама среда, в которой они вращались, предопределила будущий выбор их ребенка. Ведь на сцену Кристина начала выходить… еще будучи в утробе матери. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Пугачева и Орбакас познакомились друг с другом ровно за два года до рождения Кристины – весной **1969 года**. Алла в те дни была уже мало-мальски известной певицей – в **1966 году** песня «Робот» в ее исполнении прозвучала по радио и была на слуху у меломанов. А вот Миколас, будучи старше Аллы на три года, никому известен не был – он был всего лишь студентом 4-го курса эстрадно-циркового училища. Волею судьбы именно в это заведение Пугачева и устроилась аккомпаниатором в **апреле** того судьбоносного **69-го**. Причем, ежедневно посещая одно и то же учебное заведение, молодые люди до поры до времени не были знакомы друг с другом. Все решил Его Величество Случай.

В один из тех апрельских дней в училище пришла разнарядка «сверху»: отправить концертную бригаду в Калужскую и Тамбовскую области. Дело это поручили преподавателю Михаилу Плоткину, который достаточно споро принялся формировать бригаду из артистов разных жанров. В этот момент кто-то из помощников посоветовал ему включить в состав бригады новую аккомпаниаторшу училища Пугачеву. Плоткин, естественно, удивился: дескать, почему ее? И тогда ему объяснили: это та самая Пугачева, которая «Робота» поет.

Отметим, что в то время Алла уже «наелась» этого самого «Робота» по самое не хочу и находилась в поиске новых песен, которые помогли бы продолжить ее певческую карьеру. И судьба ей в этом всячески благоволила, сводя с нужными людьми. Например, благодаря знакомству с композитором Микаэлом Таривердиевым Пугачева в том же **апреле** дебютировала как певица в большом кинематографе – записала его песни для фильма П. Арсенова «Король-Олень». А встреча с поэтессой Кариной Филипповой помогла устроить личную жизнь. Вечером **23 апреля** Пугачева заглянула к ней по творческим делам (в поисках текстов для новых песен), и хозяйка, в жилах которой текла и цыганская кровь, внезапно выдала ей следующий прогноз: дескать, завтра у тебя будет встреча в казенном доме, и первый мужчина, которого ты встретишь, станет твоим мужем. Пугачева удивилась: ведь именно завтра ей предстояло встретиться в стенах циркового училища с преподавателем пантомимы Олегом Непомнящим по вопросу формирования будущей концертной бригады. Однако замуж за этого человека Пугачева уж никак не собиралась. Однако все вышло именно так, как предсказала поэтесса.

Вспоминает О. Непомнящий: «Назначив Алле встречу, я опоздал к назначенному часу. Всего на пять минут, но мне было чрезвычайно неловко. У входа в училище я столкнулся со своим студентом Миколасом Орбакасом, который тоже опаздывал непосредственно на урок, за что немедленно получил от меня разнос. Миколас извинился, ссылаясь на трудности с транспортом, прибавил шагу и немного обогнал меня…

Ждавшая меня в фойе девушка как-то пристально, со значением глянула на Орбакаса и потом смотрела на него не отрываясь. Ее поведение показалось мне немного странным, равно

как и блеск ее зеленых, с бесовщинкой на дне зрачков, глаз… Волею случая, первым мужчиной, которого встретила Алла, стал не я, а обогнавший меня Орбакас.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, вошли в аудиторию… Пока я объяснял скептически настроенным ко всему на свете будущим звездам цирка суть дела, Алла спокойно стояла в стороне – юная девушка, почти подросток, с веснушками на носу и рыжими косичками, в легком платьице и простеньком жакете, она выглядела чуть строже, чем предполагал ее нежный возраст. Едва дождавшись моего приглашающего жеста, она кивнула всем в знак приветствия, решительно села за рояль, словно не испытывая никакого волнения, и запела…

Прилепился к окошку лист —
Это значит,
Что всю ночь под осенний свист
Дождик плачет…

Отзвучали последние аккорды, в аудитории повисла длинная пауза. Не хотелось хлопать, и было странно что-нибудь говорить. Она с улыбкой окинула взглядом притихшую публику, рассмеялась и нарочито простецки, чтобы скрыть собственное смущение и разрядить обстановку, сказала:

– Ну че, понравилось?

Первым нашелся Белов (завкафедрой эксцентрики и клоунады. – **Ф.Р.**):

– Да, конечно. Я думаю, ни у кого нет вопросов.

Он выдержал паузу, словно ожидая подтверждения своим словам. Народ безмолвствовал, и Юрий Петрович продолжил:

– Мы будем рады, если вы поедете с нашим коллективом.

Ступор наконец прошел, и наши студенты бурно зааплодировали, словно на собрании приветствовали высокопоставленного оратора…»

А вот как вспоминает о той судьбоносной встрече сам Миколас Орбакас:

«Олег Наумович Непомнящий шел с Аллой через манеж, а я на них с балкона смотрел. А в перерыве я вышел покурить. Вдруг мимо меня идет какая-то девчонка. Ничего из себя – рыжая, в черном костюмчике, в белой блузке. Рядом с ней Олег Наумович… И вот перерыв закончился. Я пошел на занятия. Смотрю: Алик (так мы звали Непомнящего) с этой девушкой заходят к нам. Ее представили: «Это певица. Будет выступать в нашей программе». Она села за рояль и спела. Нам всем безумно понравилось. Вот так мы и познакомились. А насчет будущего мужа… Может, конечно, Алле кто-то и гадал. Но с моей стороны никаких помыслов о женитьбе тогда даже не возникало. Да и она долгое время не рассказывала, что ей предсказали. Все обрастает легендами…»

Гастроли циркачей проходили летом. Именно там между Пугачевой и Орбакасом пробежала первая искра взаимной симпатии. У них начался роман, но чисто… платонический. Сегодня это звучит более чем странно – такого рода романы в нынешней эстрадной среде уже не практикуются. Однако тем и отличается нынешнее циничное время от советского – целомудренности тогда было больше. По словам М. Орбакаса:

«На этих гастролях мы очень сблизились с Аллой. Я признался ей в любви, и она дала понять, что среди всех ребят выделяет именно меня. А за ней тогда все ухаживали. Когда мы вернулись с гастролей, мы стали жить вместе, Алла часто ночевала у меня в общежитии. Но, честно говоря, отношения между нами были полуплатонические. Ни о каком сексе «до свадьбы» не могло быть и речи! Воспитание Аллы этого не позволяло. А мне, может быть, и хотелось большего, но я не могу никого насиловать, мол: «Давай! Давай!», поэтому я терпеливо ждал… Но я абсолютно не готовился стать ее мужем. Я чувствовал, что еще не нагулялся. Хотелось видеться с друзьями. Ну и с подругами…

Но однажды утром Алла разбудила меня и сказала: «Ну что, пойдем делать предложение…» Речь шла о визите к родителям. Я хотел было взбрыкнуться, стал ссылаться на отсутствие костюма. Мол, как-то неудобно идти в джинсах и в клетчатой рубашке-ковбойке.

Тем не менее отвертеться ссылками на несолидный гардероб мне не удалось. Алла сказала, что ничего страшного, что, мол, пора поближе познакомиться с ее родителями…

Мама Аллы, Зинаида Архиповна, сразу же спросила: «А где вы будете жить?» А ее отец, Борис Михайлович, тут же подсказал выход: «У нас по соседству освободилась комната, пока что никто не занял. Не зевайте! Просите ее как молодая семья!» В общем, мы уже начали обсуждать детали, как тут началось итальянское кино!

Раздается звонок в дверь. Кто бы вы думали пришел? Еще один жених!!! Это был Валера Романов. Русский парень из Риги. Валерий после института служил военным переводчиком в Египте, а до этого ухаживал за Аллой. И вот он и решил сделать ей сюрприз: вернулся на родину без всякого предупреждения.

Реакция у присутствующих была разная. Алла, например, дико хохотала, слезы текли градом. Мама ее то бледнела, то краснела, то улыбалась, то морщилась. У папы вдруг нашлись срочные дела на кухне… Видя такую неловкую ситуацию, я тоже быстро раскланялся. Помнится, у меня еще мелькнула мысль: вот она судьба! Я ведь, повторяю, не очень-то хотел жениться. Считал, что по-хорошему нужно еще пару лет подождать, чтобы закончить училище, погастролировать, денег сколотить. Я понимал, что между моими чувствами к Алле и прозой семейной жизни большая разница. Я был не готов.

С этими мыслями я поехал в общежитие в Кунцево, к своим самым близким друзьям. Они стали утешать, сбегали в гастроном за бутылочкой. Мы выпили и легли спать.

Рано утром часов в семь меня будят. Надо мной стоит Алла и спрашивает: «Ты чего? Мы ведь решили идти в ЗАГС подавать заявление…» Я опешил и забормотал: «А как же Валера Романов?» «Романов уехал», – успокоила она».

Свадьба состоялась **8 октября 1969 года**. Пугачева сменила фамилию на Орбакене, что было поступком с ее стороны – все-таки фамилия Пугачевой на тот момент была уже известна в эстрадной среде. И вдруг на тебе – Орбакене! Денег, которые молодые заработали во время летних гастролей, хватило, чтобы сшить жениху свадебный костюм, а невесте купить платье. На оставшиеся деньги была снята столовая на Крестьянской заставе, куда было приглашено 90 человек. Подавляющая часть гостей была из Москвы. Из Литвы приехало человек пять – родители жениха и друзья. Свидетелями на свадьбе были: со стороны жениха художник-сюрреалист Виктор Кротов, со стороны невесты – ее сокурсница по училищу Наталья Лебедева, работница «Мосфильма» (это она потом познакомит Пугачеву с супружеской четой в лице Александра Орлова и Аллы Будницкой и те снимут певицу в главной роли в фильме «Женщина, которая поет»).

С жильем молодым повезло: они получили его очень быстро – ту самую комнату в двухкомнатной квартире, про которую говорил отец Аллы (вторую комнату тоже занимала молодая семья: муж работал поваром, жена – продавцом). Помогла ее получить директор Музыкального училища имени Ипполитова-Иванова Гедеванова, которая была еще и депутатом Ждановского района. Условия жизни были почти спартанские: из всех благ цивилизации только центральное отопление, водопровод и канализация. Горячей воды не было. Чтобы искупать ребенка или постирать пеленки, приходилось греть воду. Мыться же молодые ходили в Воронцовские бани, которые находились поблизости.

Летом **1970 года** Орбакас успешно окончил цирковое училище и вместе со своим курсом был принят в Московскую областную филармонию. Естественно, этого же хотела и Пугачева, но увы: ей вдруг объявили, что ее творческая манера – это калька с худших образцов западных исполнителей. И тогда она ушла в вокально-инструментальный ансамбль «Новый электрон», который хотя и был приписан к Липецкой филармонии, но базировался в Москве. Сосватал

Пугачеву в этот ВИА ее старый приятель с Воронцовской улицы Валерий Приказчиков, который был… руководителем «Электрона».

Однако в **августе** того же года супругам повезло – им разрешили отправиться вместе в совместные гастроли от Мособлфилармонии. В короткой паузе между концертами в Ярославле и Хабаровске Пугачева… забеременела. На дворе стояло начало сентября. Спустя месяц, уже в Москве, она сообщила об этом мужу. Причем однозначно сказала, что родится мальчик. Узнала она об этом не из результатов УЗИ (тогда их еще не делали), а из выводов своих подруг, которым она рассказала о своей беременности чуть раньше, чем мужу. Подруги же определили пол ребенка тоже не по научной методике, а по косвенным приметам: мол, звезды предсказывают, да и по линиям на ладони роженицы однозначно выходит – мальчик. Короче, убедили будущих родителей в правильности своих выводов, и те даже имя первенцу заранее придумали – Станислав. Как мы теперь знаем – ошибка вышла. Но об этом рассказ впереди.

Для большинства артистов предновогодние дни – самая горячая пора, когда концерты следуют один за другим. Это время хороших заработков, поскольку без участия артистов не обходится ни одно праздничное мероприятие. Взять, к примеру, новогодние детские утренники. В них обычно с удовольствием участвовали молодые артисты, филармонические заработки которых едва позволяли им сводить концы с концами. А на утренниках можно было «зашибить» приличную деньгу, причем не особо перенапрягаясь. В том году в Росконцерте было составлено несколько концертных бригад, которые именно этим и занимались. В одной из них участвовала молодая семейная пара Алла Пугачева и Миколас Орбакас. При этом следует отметить, что Пугачева была на четвертом месяце беременности, а в детских утренниках, волею судьбы, ей выпала обязанность исполнять роль Матрешки. Эта ситуация весьма умело обыгрывалась Дедом Морозом, в роли которого выступал Олег Непомнящий. На утренниках во Владимире он, например, спрашивал детишек, заполнивших зал Дома культуры:

– Знаете, детки, что внутри у матрешки?

– Другая матрешка, – отвечали хором дети.

– Правильно. И сейчас для вас споет матрешка Аллочка. Знаете, почему Аллочка матрешка?

– У нее внутри тоже есть матрешка!

Затем под громкие крики детей «Матрешка, выходи!» на сцене появлялась Пугачева, которая чуть ли не испепеляла Деда Мороза взглядом. Однако успех она имела фантастический: когда начинала петь, на ее выступление сбегался весь персонал, рядовые зрители ходили на утренники по нескольку раз, чтобы только услышать ее голос. Пугачева работала в концертах практически до упора – до седьмого месяца беременности. После чего ушла в декретный отпуск.

В понедельник, **24 мая 1971 года**, Миколас Орбакас вернулся домой с репетиции около десяти вечера и застал свою беременную супругу лежащей на кровати с бледным лицом.

– В чем дело? – спросил обеспокоенный супруг.

– Кажется, начинается, – ответила Пугачева, кладя руки на живот.

Поскольку роддом был рядом с домом, где проживали молодые (надо было только трамвайную линию перейти), доставить туда роженицу за считаные минуты не составляло большого труда. Начали собираться. Когда выходили из дому, Пугачева внезапно опомнилась и попросила мужа захватить ей какую-нибудь книжку, чтобы почитать на досуге. Миколас схватил первую попавшуюся – повесть какого-то датского писателя «Кристина».

На следующий день с утра Миколас примчался в роддом и узнал, что у его жены усилились схватки. Однако ждать конечного результата не стал и отправился на репетицию в Театр эстрады. Но какая может быть репетиция, когда твоя жена вот-вот должна родить! Коллеги интересуются, в чем дело, а он молчит как партизан – в приметы верит. А сам чуть ли не каждые полчаса срывался со сцены и бежал к телефону, чтобы позвонить в роддом и поинтересо-

ваться – как там дела у роженицы. Наконец в 16.10 по московскому, когда он позвонил туда в очередной раз, ему сообщили: роды прошли нормально (если не считать того, что роженица промучилась аж 16 часов!), родилась девочка. Счастливый отец метеором вернулся на сцену и огорошил коллег сообщением:

– У меня дочка родилась!

Когда вечером того же дня Миколас ехал в роддом, в его уме уже созрело имя для новорожденной – Кристина. Читатель наверняка догадался, что толчком к такому решению послужила книжка датского писателя, которую Миколас всучил жене в роддом.

Кстати, сама Пугачева поначалу отнеслась к этому имени критически: мол, русских имен достаточно, чтобы брать иноземное. Но затем подумала и согласилась, что Марины и Наташи – чуть ли не каждая вторая, а Кристина, как теперь говорится, эксклюзив.

Между тем в ЗАГСе с этим именем тоже возникнут проблемы. Регистраторша заявит Миколасу, что таких имен в русском языке нет. Есть Христина, но оно попахивает религиозным душком. Однако Миколас настаивал на своем: хочу назвать свою дочь Кристиной. Видя его решимость, регистраторша решила подстраховаться: позвонила своему руководству и спросила, как быть. Там дали «добро». Не своего же ребенка таким именем нарекали.

Отметим, что, когда родилась Кристина, кроватки у нее не было – Орбакас стоял за ней в очереди уже четыре месяца, но их никак не завозили. В итоге кровать у новорожденной появилась спустя несколько недель после появления на свет. Их неожиданно «выкинули» в центральном «Детском мире», на площади Дзержинского, и Пугачевой, которой об этом сообщили подруги, пришлось ехать туда самой (ребенка она оставила на соседей). Кровать она не только купила, но и сама довезла ее до дома (на метро, а потом на трамвае!) и сама же занесла ее на второй этаж. Орбакас потом никак не мог поверить в подобное.

Вспоминает М. Орбакас: «Кристина была очень спокойным ребенком. Ее кроватка стояла рядом с нашей. Она просыпалась раньше нас и тихонько играла… Мне тоже приходилось и пеленки ее стирать, и манную кашу варить. Кстати, это у меня получалось лучше, чем у Аллы. Я хорошо размешивал, а у нее то ли не хватало терпения, то ли что-то отвлекало, но каша у нее часто подгорала…»

В **июне** молодым дали новую квартиру – на Рязанском проспекте. Родители Пугачевой устроились в доме напротив, что было очень удобно: молодые – на пятом этаже, родители – на восьмом, окно откроешь, помашешь рукой – и никакого телефона не нужно.

Тем временем к осени Пугачева успела пресытиться ролью кормящей мамы и теперь мечтала только об одном: как бы побыстрее вернуться на сцену. В **ноябре** это возвращение состоялось, и Пугачева стала солисткой ВИА «Москвичи». Читатель спросит: а как же новорожденная? Естественно, она без присмотра не осталась: помогали сначала коллеги Пугачевой, а потом и ее мама. Дело было так.

Хорошо нам известный Олег Непомнящий возглавил новый ВИА «Москвичи», созданный при Росконцерте. В ансамбле имелся один вокалист (Юлий Слободкин), но этого показалось мало, и Непомнящий решил добавить еще и вокалистку. И лучшей кандидатуры, чем хорошо знакомая Непомнящему Алла Пугачева, трудно было себе представить. И вот в один из **ноябрьских** дней руководитель ВИА отправился в дом, где обитала певица. Далее послушаем рассказ самого О. Непомнящего:

«Поднявшись по ветхим ступеням, я постучал, и Алла сама открыла мне дверь. Из квартиры пахнуло умилительными детскими запахами – глаженого белья и кипяченого молока. Мы поздоровались, она пригласила меня войти, как-то машинально, не обрадовавшись и не удивившись моему приходу. Во всем ее облике сквозила бесконечная усталость, будто бы каждое движение давалось ей с трудом. Как все творческие люди, она тяжело переносила образовавшуюся вокруг нее пустоту. Работа была ее главным стимулом в жизни, она не могла, не умела быть счастлива одними семейными заботами, ни любовь к мужчине, ни любовь к дочери не

могли поглотить ее целиком, без остатка. Возможно, она сознавала это и мучилась чувством вины за то, что она не такая, как все «нормальные» женщины, пыталась обуздать себя и соответствовать образу идеальной матери.

Я сбивчиво, то перескакивая с пятого на десятое, то вдруг вдаваясь в ненужные подробности, объяснил ей цель своего визита, закончив свою речь решительным предложением о совместной работе. Она сопротивлялась мне, как Ева сопротивлялась обаянию змея-искусителя:

– Ты что, с ума сошел! У меня маленький ребенок! Кто с ней будет нянчиться? Ты что ли?

– А хоть и я! – парировал я в запальчивости и тут же сообразил, что это заявление вряд ли сойдет мне с рук…»

Короче, Непомнящий уговорил Пугачеву вернуться на сцену, но сам вынужден был переквалифицироваться в няни, поскольку молодая мама, поймав его на слове, заставила Олега сидеть с ее дочерью. Правда, так продолжалось недолго, так как вскоре к делу воспитания девочки подключились бабушки и дедушки с обеих сторон.

Освобожденная от значительной доли материнских обязанностей, Пугачева рьяно бросилась делать карьеру. Что было естественно, поскольку деньги молодой семье были необходимы позарез. Тем более что в конце **1972 года** они получили новую квартиру и ее надо было обустраивать. Новым жильем оказалась отдельная двухкомнатная квартира в девятиэтажке на Новокузьминской улице, рядом с мебельным магазином. Именно в последнем молодые приобрели первую значительную вещь – польский гарнитур из 12 предметов. К тому времени Орбакас зарабатывал на эстраде по 350–400 рублей, а Алла, будучи солисткой в оркестре Олега Лундстрема – около 180–200 рублей.

Переезд в новую квартиру не отразился на судьбе Кристины – большую часть времени она проводила не с родителями, которые в поте лица трудились и отсутствовали дома сутками, а в Литве, у родителей Орбакаса (у тех в Паланге был дом на берегу моря). Жить там Кристине нравилось, поскольку рядом было море и лес: можно было сутками купаться и бегать по пляжу, а также собирать ягоды, которые они потом с бабушкой несли на рынок продавать (однажды маленькой Кристине пришлось торговать ягодами, когда бабушка на какое-то время отлучилась от прилавка). В итоге за пару лет своего пребывания там Кристина превратилась в настоящую литовку: ее крестили в местном костеле и литовский язык она знала лучше русского.

Однако периодически девочка приезжала в Москву и жила то у родителей, то у московских бабушки и дедушки. Именно в один из таких приездов в **1973 году** произошел сценический дебют юной Кристины. Хотя, как уже говорилось выше, впервые на сцену она вышла, будучи в утробе своей матери. Но в **73-м** случился настоящий дебют – тогда Кристина вышла на сцену своими ножками. Вот как об этом вспоминает М. Орбакас:

«Мы с Аллой тогда работали в программе с цыганами – Петром Деметром и его покойной женой Розой Джалакаевой. Однажды кого-то из зрителей не пустили к ним подарить цветы, и нас попросили их передать. Мы сунули букет Кристинке, она вышла на сцену, как будто из зала, и вручила его Розе. «А теперь поклонись», – сказали ей. Она поклонилась – попкой к залу. «Нет, надо в зал», – поправили ее. Тогда она выбежала из-за кулис и поклонилась еще раз – уже как следует…»

Как ни странно, но переезд в новую квартиру не смог уберечь молодую семью от развода. Причиной его было множество факторов, в том числе и творческие. Имеются в виду растущие аппетиты Пугачевой по части карьерных амбиций. Ее манила слава эстрадной звезды, и Орбакасу в этих планах места не было. То, что он мог дать Пугачевой (ребенка), он уже дал, а в остальном проку от него было мало.

Логическая развязка во взаимоотношениях Пугачевой и Орбакаса наступила осенью **1973 года** – молодые развелись. По иронии судьбы, развод выпал на тот же день, в какой расписались – **8 октября**. М. Орбакас вспоминает:

«Все получилось как-то само собой. Помню, я вернулся из Ленинграда, а на столе – записка от Аллы: «Я уехала. Буду такого-то». Недели через полторы она появилась. Мы в отпуск собирались. А тут она говорит: «Я опять уезжаю». Ну ладно… Я отправился отдыхать один… Недели через две меня отозвали на работу. Потом вернулась Алла. Мы поговорили и решили пожить отдельно. Подали заявление на развод. Алла нашла вариант размена, и я переехал в Марфино. Единственное, что взял из старой квартиры, – матрас, подушку, телевизор «Горизонт» и китайский обливной таз. Причем сразу после переезда я уехал на гастроли. Потом, когда вернулся, начал обустраиваться: купил топчан, шкаф, стол, стулья…

Сначала Алла злилась на меня и заявила, что с ребенком я видеться не буду. Но потом, через четыре месяца, сама позвонила и спросила: «Ты почему дочь не навещаешь?». И тогда я стал «воскресным папой» и стал принимать достаточно веское участие в воспитании Кристины, пока она не выросла…»

В этом рассказе есть одна загадка: почему Пугачева разозлилась на Орбакаса и что именно стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Много позже, в **2006 году**, во время съемок в фильме «Любовь-морковь», Кристина Орбакайте проболтается об этой истории своему партнеру по фильму Гоше Куценко. В его изложении эта история будет выглядеть следующим образом:

«Жили Алла с Миколасом очень скромно. Алла копила деньги на детскую кроличью шапку для Кристины – 25 рублей. По тем временам это было целое состояние (средняя зарплата в первой половине 70-х в СССР равнялась 130–140 рублям. – **Ф.Р.**). Да и такие шапки считались дефицитом – достать их было непросто. И вот в один прекрасный день Пугачева отдала Миколасу заветную сумму и отправила его в магазин. Ждет-пождет, а мужа все нет. День нет, второй… Наконец, на третьи сутки вернулся – с пустыми руками и с большого бодуна. Посмотрел на жену и говорит: «Алла! Дай денег, трубы горят! Похмелиться надо». Представляете, что сказала ему Пугачева с ее характером? Выпалила все, что накипело, и выставила Миколаса за дверь. После этого их отношения и сошли на нет…»

Итак, разведясь, Пугачева оставила Кристину себе, вернув ее в Москву из Литвы (определила жить к своим родителям). И примерно четыре месяца не подпускала к ней бывшего супруга. Но потом оттаяла и разрешила Орбакасу встречаться с дочерью. Однако происходило это примерно раз в неделю (по выходным), а большую часть времени девочка проводила с бабушкой и дедушкой в их новой квартире на Рязанском проспекте. Кроме этого, Миколас отвоевал право увозить девочку летом к своим родителям в Палангу.

Сама Алла была по-прежнему занята карьерой, а также устройством своей личной жизни. И хотя на протяжении последующих трех лет замуж она не выходила, однако гражданские браки у нее случались. Причем все они четко ложились в русло карьерных устремлений Пугачевой: каждый ее избранник помогал ей в пути к вершине эстрадного Олимпа. Ее возлюбленными в ту пору были коллеги по эстрадной тусовке: музыкант Виталий Кретов, руководитель ВИА «Веселые ребята» Павел Слободкин (Пугачева была его солисткой в **1974—1976 годах**), композитор Константин Орбелян. Осенью **1976 года** Пугачева познакомилась с человеком, который стал ее вторым официальным супругом – кинорежиссером Александром Стефановичем.

Родители Пугачевой наблюдали за житьем-бытьем своей дочери, раздираемые противоречивыми чувствами. С одной стороны, им льстило, что их дочь знаменита, но с другой – они с опаской взирали на ту среду, в которой приходилось вращаться их дочери. Все эти многочисленные романы и веселые попойки не могли радовать родителей Пугачевой. Поэтому они всячески старались оградить Кристину от влияния этой среды, и, если и предрекали ей в будущем профессию актрисы, то только не эстрадной. Кстати, и сама Пугачева не хотела, чтобы дочь шла по ее стопам. В ее мечтах она если и должна была стать артисткой, то разве что балери-

ной, поскольку балетная среда по части морали не чета эстрадной. Именно поэтому чуть позже Кристину отдадут в балетную школу.

Что собой представляло житье-бытье Пугачевой в тот период наглядно демонстрируют воспоминания Александра Стефановича. Когда он в первый раз посетил «однушку» певицы на Вешняковской улице, он был поражен скудностью ее интерьера (в углу лежал лишь голый матрас) и наличием… пустых бутылок из-под вина. Не поленившись, режиссер пересчитал эту посуду – бутылок оказалось… 140 штук! Однако убожество жилища не отпугнуло режиссера – как говорится, с милой рай и в шалаше. Пока Пугачева что-то готовила на кухне, он нашел в пустой картонной коробке елочную мишуру и выстлал из нее на полу дорожку, украсив ее по краям еще и игрушками. Когда Пугачева вошла в комнату с подносом в руках и спросила, что это, он ответил: «Это путь жизни Аллы Пугачевой». Метафора певице понравилась.

Отметим, что союз с Александром Стефановичем окажет весьма существенное влияние на формирование Пугачевой как популярной певицы. Именно Стефанович посоветует ей уделить первостепенное внимание не только своему внешнему облику (облачиться в балахоны), но также обыгрывать песни в форме мини-спектаклей и использовать скандалы как инструмент для раскрутки своей популярности. Все это было точной калькой с западных образцов, горячим приверженцем которых был Стефанович – представитель новой поросли советских кинорежиссеров (прозападных), которые приходили на смену прежним, просоветским. Не случайно, что и первые фильмы Стефановича были связаны с западной тематикой: «Вид на жительство» (**1972**) повествовал о советском враче, сбежавшем на Запад, «Дорогой мальчик» (**1975**) – о юном сыне советского дипломата, угодившем в руки западных гангстеров. Именно во время брака со Стефановичем (а он продлится почти четыре года) и начнется триумфальная слава Аллы Пугачевой – певицы № 1 советской эстрады.

Отметим, что к новому мужу своей мамы Кристина практически с первых же дней стала питать самые теплые чувства. Он называл ее ласково Кристаллик, а она как-то назвала его папой. На этой почве однажды случился курьез. После очередного посещения настоящего отца Кристины Миколаса Орбакаса девочка подошла к маме и шепотом спросила: «А мы скажем папе (имелся в виду Стефанович), что отец приходил?» Пугачева потом долго смеялась над этой фразой.

Целиком занятая карьерой (а она с каждым годом все круче взмывала вверх) и личной жизнью, Пугачева все же находила время и для тесного общения со своими близкими. Например, два раза в год – зимой и летом (в **июне**) отдыхала исключительно со своей дочерью. По словам Кристины:

«Для меня это календарное постоянство долго было загадкой. Только недавно я догадалась – почему. Это у нас – семейное. Я сама оказалась в такой же ситуации. Это связано с гастрольными графиками, в которых обычно январь и июнь – мертвый сезон. В январе в школьные каникулы я тоже с детьми отдыхаю и в июне – сразу после школы, когда люди не ходят на концерты…

На зимние каникулы мама героически брала меня куда-нибудь с собой отдыхать. Тогда не было возможности ездить в Майами, например, как я сейчас езжу. Тогда мы ездили в Подмосковье, в пансионат «Солнечная поляна». Восемь или девять лет в каникулы я там прожила, потому что там был кинозал с роялем, а мне нужно было заниматься музыкой. Или же – в ее любимое место, в Юрмалу, в санаторий «Ян Кемери», где мама любила отдыхать…»

Вот и летом **1977 года** они вдвоем отправились именно в Юрмалу. В один из дней Пугачева заставила дочь лечь днем спать (чего Кристина не любила), а вечером повела ее в ночной клуб в Риге. Зная, как дочь любит танцевать, мать решила показать ей настоящее варьете. Именно там они впервые увидели выступление известной в Латвии певицы Лаймы Вайкуле. Отметим, что именно она сыграет определенную роль в жизни Кристины – на ее концерте спу-

стя несколько лет девушка познакомится со своим первым гражданским мужем Владимиром Пресняковым-младшим.

Не забывала Пугачева и про своих родителей, регулярно наведываясь к ним на Рязанский проспект, как в обычные дни, так и в праздничные. Так, Новый, **1978 год** она встречала именно у них. Настроение у певицы было прекрасное: за сутки до боя курантов по ТВ показали фильм Павла Арсенова «Король-Олень», где Пугачева исполнила несколько песен за главную героиню ленты Анджелу. А на следующий день состоялась еще одна телевизионная премьера с ее участием – показ 1-й серии телефильма «Фантазии Веснухина» (2-ю покажут на следующий день), где за кадром вновь звучал голос Пугачевой – она исполнила 5 песен: «Голубой кот», «Колыбельная», «Куда уходит детство», «Найди себе друга», «Рисуйте, рисуйте» (все песни принадлежали перу тандема Александр Зацепин – Леонид Дербенев).

Шампанское под бой курантов Пугачева подняла вместе с родителями. Что касается Кристины, то ей в силу ее возраста в бокал налили лимонада. Но ее в ту ночь интересовал отнюдь не он. По ее же словам: «Знакомые мамы прислали под Новый год арбуз. В новогоднюю ночь я ходила вокруг арбуза кругами и ждала боя курантов. У меня слипались глаза, но я стойко ждала. Почти гипнотизировала взглядом то часы, то огромный арбуз и дождалась! Раздался бой, мы разрезали подарок, я надкусила ломоть и… чуть не заплакала от обиды: арбуз оказался соленым!..»

Минуло всего несколько месяцев, и в середине **апреля** Кристина приняла участие еще в одном семейном празднике – дне рождения мамы. Ей исполнилось 29 лет. Отметим, что это было не первое появление Кристины на дне рождения у своей родительницы, но именно оно запомнилось на всю жизнь. По словам Кристины:

«Мне тогда было почти семь лет, но я все очень хорошо запомнила. Я тогда жила у бабушки в Кузьминках. Вернулась из детского сада – а в доме полно людей. Квартира небольшая, двухкомнатная. Огромный стол поставили в гостиной. В гости к маме пришли музыканты из группы «Ритм», она тогда с ними работала. Я помню, что именно тогда, в 7 лет, на дне рождения мамы, я поняла, что такое эстрадная община, и то, что, возможно, с такими веселыми, добрыми и талантливыми людьми я свяжу в дальнейшем всю свою жизнь. Помню, маме в тот день подарили смешного пузатого человечка, напоминающего Будду. Таких раньше в огромном количестве продавали. Ему в руки вложили плакат с какой-то прикольной надписью – что-то забавное о маме, не помню что. У мамы тогда были длинные волосы, одета она была в коричневую юбку в клеточку, которую потом на меня перешили. Юбка была до полу, а тогда девочки не носили длинных юбок, так что я модничала…»

В том же **78-м** Кристина пошла в первый класс средней школы № 55 (теперь – 1209) с английским уклоном. Это было в пятницу, **1 сентября**. В школу девочку привела ее мама в компании со своим новым администратором Евгением Болдиным (чуть позже он станет ее третьим мужем). Забегая вперед, сообщу, что за все десять лет пребывания дочери в стенах этого учебного заведения с углубленным изучением английского языка звезда советской эстрады побывает здесь еще два раза, да и то ближе к концу обучения Кристины. Но не будем забегать вперед.

Отметим, что в тот первый осенний день, в половине десятого вечера по ТВ показывали заключительный гала-концерт лауреатов и гостей Сопотского фестиваля. Пугачева на нем исполняла песню «Все могут короли», которая принесла ей победу и признание международной публики. За своим триумфом Пугачева наблюдала теперь по телевизору в компании своих близких и друзей на квартире в Вешняках.

В 55-й школе учились дети из разных семей (в том числе и элитных), однако самой именитой ученицей была все-таки Кристина Орбакайте – дочка самой Аллы Пугачевой, которая к осени 78-го считалась одной из самых популярных певиц советской эстрады. Из каждого окна тогда звучали песни в ее исполнении: как старые – вроде песен трехгодичной давности: «Арле-

кино» и романсов из телефильма «Ирония судьбы», так и более свежих – «Хорошо», «Песенка про меня», «Три желания» и др. В том же **78-м** свет увидел и дебютный (двойной) альбом Пугачевой – «Зеркало души» и «Арлекино и другие», который имелся во многих советских семьях (в том числе и у родителей тех первоклашек, кто учился с Кристиной в одном классе).

Отметим, что, когда Кристина пошла в школу, возможности видеть маму у нее стало еще меньше. Во-первых, из-за собственной занятости – помимо обычной школы, ее отдали также в музыкальную (чуть позже – в балетную студию). Во-вторых, с ростом популярности Пугачева стала буквально нарасхват и только успевала, что после одних гастролей тут же уезжать на другие (параллельно снимаясь еще и в кино – в **78-м** в производство был запущен фильм «Женщина, которая поет», где она играла главную роль). В итоге иной раз получалось так, что мать и дочь виделись в месяц один-два раза. Однако были «святые» дни, вернее месяцы, когда они проводили вместе не одну неделю. Это были январь и июнь, когда у Пугачевой случались большие «окна» в ее гастрольном графике. Про январь мы уже говорили, а вот что происходило в июне. Вспоминает К. Орбакайте:

«Летом бабушка меня отпускала только в июне. Я шутила, что у меня был отпуск от музыки. В июне мне давали возможность отдохнуть от инструмента, потому что в июле—августе я уже разучивала программу для музыкальной школы. Поэтому с мамой мы были только в июне…»

В **январе 1979 года** Кристина вновь жила у матери, поскольку та никуда не уезжала – сдавала экзамены в ГИТИСе (на режиссерском факультете). В те дни одна из центральных газет – «Известия» (номер от **31 января**) – взяла интервью у Пугачевой, где та описала свои домашние будни следующим образом:

«Вчера, например, с утра сидела над учебником. Потом помчалась в Министерство культуры – решался вопрос о техническом оснащении нашего ансамбля. Кстати, большое спасибо, решился успешно. Затем телевидение: будет картина совместно с финнами. Оттуда – домой: моя первоклассница пришла из школы…

– Вы помогаете Кристине?

– Занимаюсь с ней музыкой.

– А школьные задания?

– Что-о-о? Помните, я пою песню про первоклассника? «Кандидат наук и тот над задачей плачет. То ли еще будет?». Это же про нее! Хорошо еще, что двойки им не ставят: школа экспериментальная. Ставят черточки, а завтра можно исправить. Так бы в нашем ГИТИСЕ!

– Значит, работа, учеба…

– А лыжи для Кристины? Старые уже малы. По пути из министерства забежала в магазин за новыми…»

Не менее святыми днями, когда дочь виделась со своей вечно занятой мамой, были дни рождения последней (с Кристиниными дело обстояло иначе – их мать могла и пропустить, находясь на очередных гастролях).

15 апреля 1979 года Пугачевой исполнилось 30 лет, и на это торжество были приглашены все ее близкие, в том числе и дочь-первоклашка. Круглая дата отмечалась в ресторане гостиницы «Белград» (кстати, недавно открытой). Однако в самый разгар веселья случился скандал, в центре которого суждено было оказаться именно Кристине. А случилось вот что.

Торжество проходило в Малом зале, поскольку в Большом гуляла другая веселая компания. Однако 8-летняя дочь именинницы, естественно, этих нюансов не знала и подумала, что веселиться можно в обоих залах. Когда в большом заиграл оркестр, она выбежала туда и принялась танцевать вместе со всеми. Но, как говорится, недолго музыка играла… Маневр девочки заметил администратор ресторана, который коршуном налетел на Кристину и чуть ли не взашей вытолкал ее на свою территорию – в Малый зал. Девочка, обливаясь слезами, побежала жаловаться отчиму – Александру Стефановичу. И в доказательство своих слов про-

демонстрировала ему свежий синяк на своей руке. Режиссер бросился к администратору и прилюдно обложил его даже не трехэтажным, а более высоким матом. Тот сначала оторопел, а потом заявил: «Как вы смеете со мной так разговаривать, я сотрудник госбезопасности!». На что Стефанович отреагировал еще более жестко: «А вас, гнид гэбэшных, мы еще повесим на всех фонарных столбах!». Чекист оскорбление проглотил, но обиду затаил жутчайшую. Чуть позже он отомстит режиссеру, доложив обо всем начальству, и тот перекроет Стефановичу кислород – похерит его заявку на очередной фильм.

Самое интересное, что этот скандал повысил реноме Стефановича в глазах Кристины, но одновременно уронил его в глазах ее матери. Рвущейся к славе Пугачевой было невыгодно иметь рядом с собой мужа-антисоветчика. Сама она, конечно, «соловьем режима» не была, однако тогда еще старалась держать язык за зубами (развяжет она его чуть позже, когда станет суперпопулярной). Поэтому, как отмечает Стефанович, первая трещина будущего развода пробежала между ним и певицей именно тогда, в **апреле 79-го**. Хотя внешне они продолжали сохранять видимость хороших отношений. И даже переехали на новое место жительства по адресу: улица Горького, 5, квартира 13. Но жили они там вместе недолго, и уже спустя несколько месяцев Пугачева окончательно определилась – Стефанович как муж ей больше уже не нужен. И **13 января 1980 года**, находясь на гастролях в Харькове, она в открытую предложила жить вместе Болдину. Так и сказала ему в поезде, возвращаясь в Москву: «Женя, ты свободен, я тоже скоро буду свободна… Мы должны жить вместе!». Болдин, который не был готов к такому повороту событий (как говорится, не нагулялся еще), попросил Пугачеву дать ему время на размышление. Думал он месяц, после чего сказал: «Я согласен».

Естественно, их отношения не были секретом для окружающих, в том числе и для Стефановича. Но того сложившаяся ситуация тоже устраивала, поскольку у него самого на стороне была другая женщина. Расставаться же с Пугачевой ему было невыгодно, поскольку к тому времени на «Мосфильме» был запущен в производство их «семейный» проект – фильм «Рецитал», который они взялись «ваять» на «Мосфильме» в **августе 80-го**. В нем должны были сниматься как Пугачева (она играла певицу), так и ее дочь Кристина (ей доверили роль ее собственной мамы в детстве). Однако «изваять» эту картину им вместе так и не удалось.

Первый съемочный день проходил в Калинине без участия Пугачевой: там отсняли натурный эпизод с другими исполнителями – Богдановым и Горловой. Два следующих дня снимали там же, только теперь к этим актерам присоединилась и дочка Пугачевой 9-летняя Кристина Орбакайте. **14 августа** в съемках принимали участие Горлова и Орбакайте. На этом калининская экспедиция закончилась, и съемочная группа вернулась в Москву. Теперь ей предстояла куда более дальняя поездка – на Международный фестиваль эстрадной песни в Сопоте. Почему туда? По сюжету главной героине фильме выпадал счастливый жребий выступить на престижном эстрадном конкурсе, где она завоевывала первое место, но теряла голос. Поскольку в Сопоте всегда с радостью принимали Пугачеву, этот фестиваль и решено было снимать. Правда, перед самой поездкой возникла одна существенная проблема: КГБ отказался выпускать туда Стефановича, памятуя историю годичной давности, когда он оскорбил их сотрудника. Только благодаря заступничеству Госкино и «Мосфильма» режиссеру удалось выиграть эту битву. **20 августа** в Польшу выехала небольшая часть съемочной группы в лице Аллы Пугачевой, Александра Стефановича, оператора Владимира Климова, его ассистента и директора фильма.

Практически сразу после возвращения из Сопота Александр Стефанович отправился в один из подмосковных домов отдыха, где в те дни находились мама Пугачевой и ее дочка Кристина. По словам режиссера:

«Я пошел на разрыв с Пугачевой без особой грусти. Единственное, что, как ни странно, вызывало у меня душевную боль, – это расставание с ее дочкой, к которой я, в общем-то, прикипел. Эта девочка действительно стала на эти четыре года моей дочкой. И поэтому наше

расставание с Аллой требовало каких-то объяснений с ребенком. Конечно, я мог бы просто уйти, мама бы ей сама все объяснила, к этому моменту девочке шел десятый год. Но… я поехал в дом отдыха, где девочка в этот момент отдыхала с бабушкой. Это было в конце лета, я взял ее за руку, мы пошли с ней в лес, и я ей сказал:

– Знаешь, Кристаллик, мы, наверное, с тобой больше не увидимся, потому что мы с мамой твоей расстаемся. Такие вот дела.

Она меня обняла, мы с ней немножко поплакали в лесу, никто этого не видел…»

Самое интересное, что такие же теплые отношения сложились у Кристины и с новым «папой» – Евгением Болдиным. Что, в общем-то, неудивительно – девочке всегда не хватало отца, поэтому она искала его в каждом новом ухажере своей мамы. Как вспоминает Е. Болдин:

«Пугачева работала как сумасшедшая, ни на что другое у нее не оставалось ни времени, ни сил. Я решал все ее проблемы, выполнял просьбы родителей, помогал с Кристиной…

Девочка жила с бабушкой и дедушкой в Кузьминках. У нас в коллективе был свой «рафик», и я часто направлял водителя Толю Батинова «на службу» в семью. Кристину надо было возить в общеобразовательную и музыкальную школы, встречать после занятий. У нас с ней были очень теплые отношения. Такими они и остались. Кристина до сих пор в шутку называет меня «папочкой». Она – замечательный человек, лучшее произведение Аллы Борисовны. Мать Кристину обожает. И я всегда относился к ней как к любимой дочери. Может быть, потому, что она немногим старше моей Кати?» (Дочь Болдина от первого брака. – **Ф.Р.**).

Болдин настолько пришелся «впору» Пугачевой своим отношением как к ней, так и к ее родне, что она в какой-то момент подумала: а не родить ли Кристине братика или сестричку? И весной **1981 года** она действительно забеременела. Самому Болдину певица сообщила об этом во время **майских** гастролей на Кубе. Тот был, конечно, поражен этим известием и предложил перенести его обсуждение по возвращении на родину. И здесь они сообща решили: еще не время. По словам Е. Болдина:

«Тогда мы толком не поняли, что произошло. В молодости думаешь, что в жизни можно многое отложить «на потом». Главное – работа, успех. А дети еще будут – вся жизнь впереди. Мы не чувствовали необходимости в этом ребенке, знали, что вряд ли будем для него хорошими родителями. У нас обоих уже было по дочери, и на полноценное общение с ними хронически не хватало времени…»

А вот что по этому поводу вспоминает К. Орбакайте:

«Я категорически не хотела ни братика, ни сестренку. Я была конченой эгоисткой. Одно время стоял такой вопрос в семье, но я – просто наотрез, категорически была против. Не знаю почему… Наверное, я хотела, чтобы мама была только со мной и моя, не могла себе представить, как это она еще кого-то родит. А у мамы были такие порывы и возможность, когда она была замужем за Болдиным. Ее остановила наша общая непримиримость с бабушкой. Мама нам начала намекать осторожно и тут же натолкнулась на стену непонимания в нашем лице. Позже я поняла, что мама сделала ошибку, когда с нами тогда это обсуждала. Надо было просто поставить перед фактом…»

Кстати, именно в десятилетнем возрасте Кристина выдала точную характеристику своей матери. Беседуя как-то с ней с глазу на глаз, девочка обронила: «Какая же ты у меня непутевая». Самое интересное, спустя много лет точно такие же слова можно будет отнести и к самой Кристине. В личной жизни мать и дочь оказались непутевыми – стольких партнеров они поменяли в поисках того самого, единственного, но вот нашли ли?..

Глава вторая
«Чучело»

Отметим, что в школе Кристина была прилежной девочкой и в споры с учителями почти не вступала. Во всяком случае в первые годы обучения. Она считалась «гадким утенком», мальчишкам совсем не нравилась, хотя сама влюблялась часто. С девчонками-одноклассницами у нее были ровные отношения и никакого зазнайства (мол, я дочка самой Пугачевой!) с ее стороны никогда не было. Короче, она не звездила. И даже когда сама стала в четвертом классе настоящей кинозвездой, ее характер нисколько не изменился.

Речь идет о ее участии в фильме Ролана Быкова «Чучело», где Кристина сыграла главную роль. Это была экранизация знаменитой повести В. Железникова, в которой речь шла о том, как 11-летняя девочка Лена Бессольцева (именно в нее и суждено было перевоплотиться Орбакайте) приезжает в старый русский город к дедушке, потомственному интеллигенту, идет учиться в местную школу, но ее не принимает класс, потому что она другая. Подростки дают новенькой кличку Чучело и начинают азартную охоту на нее.

Скажем прямо, подобного рассказа о детской жестокости в советской литературе еще не выходило. Повесть была написана в самом конце 70-х и в начале следующего десятилетия вышла отдельным изданием в Москве. Ролан Быков, который считался одним из самых талантливых и последовательных разработчиков детской темы в советском кинематографе, мгновенно загорелся желанием экранизировать это произведение. Хотя на первый взгляд это казалось странным, поскольку до этого Быков снимал сугубо оптимистическое кино для детей. Среди его прежних картин были следующие: «Семь нянек» (**1962**), «Пропало лето» (**1964**), «Айболит-66» (**1966**), «Внимание, черепаха!» (**1970**), «Телеграмма» (**1972**), «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» (**1975**).

Потом в течение семи лет Быков находился в режиссерском (но не в актерском) простое, причем не по своей воле. Таково было мнение руководства Госкино, которому не нравились те заявки, которые Быков собирался осуществлять. Они уже мало имели общего с его предыдущими работами – то есть в них Быков представал уже не оптимистом, а скорее пессимистом. Что было вполне закономерно, учитывая резкое неприятие либералами (а Быков относился к их числу) того времени, которое было на дворе.

В **1980 году** Быкова, наконец, допустили до режиссерской работы, правда, назвать ее самостоятельной нельзя: в содружестве еще с двумя режиссерами – Р. Эсадзе и А. Агишевым – Быков снял комедию «Свадебный подарок». Это было кино из разряда оптимистических: добрая лирическая комедия о том, как молодоженам после свадьбы долго не удается остаться наедине. Судя по всему, за эту работу Быков взялся без всякой охоты, лишь бы не сидеть без дела. В действительности ему жутко хотелось экранизировать только что появившуюся в печати повесть «Чучело», в сюжете которой Быков разглядел… свою собственную судьбу. Вернее, не сам разглядел, а ему это подсказали. Вот как об этом вспоминает жена режиссера актриса Елена Санаева:

«Мы получили квартиру, делали в ней ремонт, а сами жили в моей крохотной квартирке у метро «Аэропорт». Соседом у нас был Савва Кулиш (кинорежиссер, автор фильма «Мертвый сезон», где Ролан Быков играл одну из главных ролей. – **Ф.Р.**). Он и принес однажды нам книгу Железникова со словами: «Ролан, прочти вот эту повесть детского писателя». Первым ее начал читать сын Паша. Мы его гнали спать, а он закрывался от нас в туалете, и мы слышали оттуда его всхлипывания. Потом книгу очень быстро прочла я и сказала: «Ролан, по-моему, ты должен это ставить. Мне кажется, Чучело – это ты». Он взял книгу. А утром я проснулась оттого, что

Ролан Антонович запустил книжкой в потолок. Я, не продрав глаза, спросила: «Что, будешь ставить?» «А куда денешься?» – ответил он…»

Однако вряд ли Быков взялся бы за эту постановку, разглядев в ней всего лишь сравнение с собственной судьбой. Это было бы слишком узко для такого мастера, каким был Ролан Быков. В «Чучеле» он увидел не частный случай, а целое явление – духовное оскудение и ожесточение значительной части советской молодежи. За историей о мытарствах провинциальной школьницы явственно вставала проблема двух слоев тогдашней советской молодежи: собственно советской, с ее старомодными понятиями о совести и чести (ее представляла главная героиня – Лена Бессольцева), и слоя другого – современного и насквозь меркантильного, циничного (его олицетворяли мучители Лены).

Стоит отметить, что автор повести Железников сперва написал сценарий и предложил его для постановки Киностудии имени Горького. Но Госкино запретило экранизацию, после чего писатель сделал из сценария повесть и издал ее книгой. Поэтому, когда он узнал, что Быков собирается экранизировать ее на «Мосфильме», скепсису писателя не было предела. Но случилось неожиданное: Быкову дали «добро». По его же словам, помогла ему чистая случайность. Вот его рассказ:

«Я «Чучело» получил случайно. Мне потребовалась рекомендация из райкома партии для поездки за границу. Бдительные райкомовские старички, которые проводили со мной собеседование, поинтересовались: а почему это вы, товарищ Быков, кино забросили? Отлынивает? Тут я и выдал: рад, мол, работать, но не дают, лишают конституционного права на труд. Ветераны партии возмутились, сказали кому надо, и я запустился с «Чучелом»…»

И все же вызывает удивление, почему Госкино так легко согласилось запустить отринутый ранее сценарий: ведь в нем практически ничего не изменилось с тех пор, как он оказался за бортом сценарного портфеля Студии имени Горького. Однако, судя по всему, дело было в том, что изменилось само время. Как мы помним, в начале **1982 года** из жизни ушел главный идеолог партии Михаил Суслов, и его кресло занял Юрий Андропов. Понимая, что на новом месте ему требуются неординарные шаги, чтобы завоевать симпатии либералов, он способствовал запуску не только «Чучела», но и ряда других проблемных фильмов (среди детско-юношеского кино это, к примеру, были «Пацаны» Динары Асановой).

Но вернемся к фильму Ролана Быкова.

Процесс производства будущего фильма был отнюдь не гладким, что вполне закономерно: Госкино хотя и разрешило постановку, но не собиралось целиком отдавать ее на откуп Быкову. Поэтому еще на стадии подготовительных работ между сторонами возникали разного рода трения. Все это явилось поводом к тому, чтобы **10 мая 1982 год**а Быков написал письмо на имя председателя Госкино Ф. Ермаша, где сетовал на следующие обстоятельства:

«Речь идет не о том, что я боюсь какой-то корректуры сценария. Я заранее согласен со всеми замечаниями, которые могут возникнуть, кроме тех, которые ставят под удар смысл картины и ее основные достоинства, одним словом, кроме тех, которые ведут к тому, чтобы запуск картины снова зашел в тупик. Ведь как-то так получилось, что вот уже восемь лет мне не дают ставить фильмов. Факт для меня, да и не только для меня, ничем не объяснимый. Я понимаю, что сейчас не время поднимать все эти вопросы. Но я выражаю естественное беспокойство, чтобы снова не возник «любой повод» для того, чтобы я не снимал…»

Это письмо возымело действие: Ермаш не только разрешил Быкову продолжать работу, но и дал «добро» на две серии, хотя против этого активно возражала Главная сценарно-редакционная коллегия Госкино во главе с Анатолием Богомоловым. Однако за ГСРК все равно оставалась функция цензуры, поэтому она зорко следила за тем, чтобы Быкова не заносило «не туда». В частности, от него потребовали смягчить эпизоды детской жестокости, а также значительно сократить ретроспективные сцены трех поколений Бессольцевых. По поводу последних эпизодов в заключении ГСРК говорилось следующее: «Обращение к этапным событиям исто-

рии пятисотлетней давности и коренным переменам в жизни нашей страны в более поздние времена придает простому и лирическому, чуть озорному произведению, рассказу о судьбе девочки, непомерную претенциозность и многозначительность…»

Отметим, что Алла Пугачева от повести Железникова тоже была без ума. Она проглотила ее буквально за одну ночь и с сожалением констатировала: «Господи, почему мне не одиннадцать лет!..», имея в виду себя в роли Бессольцевой. Однако в **мае 82-го** одиннадцать лет исполнялось ее дочери Кристине. Но мысль попробовать пристроить ее в эту картину возникла, как ни странно, не у матери, а у бабушки – Зинаиды Архиповны. Это она, узнав о пробах, взяла внучку за руку и привела на «Мосфильм». На них тогда откликнулось чуть ли не пол-Москвы: мальчики и девочки 11–12 лет, ведомые своими родителями, буквально оккупировали главную студию страны. Увидев эту толпу, Кристина сникла: если до этого у нее и была слабенькая надежда на то, что ее заметят, то теперь она пропала: в таком скопище юных дарований затеряться ничего не стоило. Но судьба оказалась благосклонна именно к Кристине Орбакайте.

Все произошло примерно через месяц. Отсмотрев 17 тысяч (!) фото– и кинопроб, Быков выбрал на роль Лены Бессольцевой 12-летнюю московскую школьницу Наташу Ковалеву и ее сверстницу из Ростова. Больше всего шансов было у первой, про которую члены съемочной группы говорили, что она очень талантлива, даже называли ее «наша Ермолова». Но затем произошло неожиданное. Быков внезапно изменил свое видение характера Лены Бессольцевой. По его первоначальному замыслу героиня должна быть невинной жертвой, а потом он решил сделать ее сильной личностью. А Наташа Ковалева относилась к первому типу. И ее с роли сняли. А новой претенденткой стала Кристина Орбакайте, которая в первоначальном списке кандидатов (во время проб) значилась под номером 434. Причем чуть ли не с самого начала шансы у нее были мизерные: Быков поставил рядом с ее фамилией целых три минуса. Он даже кричал на ассистента: «Посмотрите на ее нижнюю губу – ей не жертвой быть, а ротой солдат командовать». Но когда концепция Быкова поменялась, недостатки Кристины превратились в ее достоинства. Во время повторного просмотра у Быкова девочка репетировала всего лишь четыре минуты. Но их оказалось достаточно, чтобы Быков убедился: это то, что надо. После той пробы он вышел из павильона и… расплакался.

Естественно, недоброжелатели тут же стали распространять слухи о том, что дочка популярной певицы неслучайно попала на эту роль: дескать, мама постаралась. На самом деле Пугачева к этому делу была абсолютно непричастна: все решил сам Быков. По его же собственным словам: «Говорить о том, что Кристину протолкнула Пугачева, просто смешно. Фильм – это моя жизнь. Ее нельзя купить или продать. Я по блату и эпизодическую роль никому не дал, не говоря уже о главной. Кстати, Алла сама безумно хотела сыграть этот характер. Просила, чтобы весь сценарий переписали под ее возраст. Говорила, что даже наголо в детстве брилась и характер у нее был точно, как у Чучела…»

Что касается прежней претендентки на роль – Наташи Ковалевой – то она, естественно, жутко расстроилась из-за всего происшедшего. По ее словам: «Об этом мне сказала моя мама. Был уже поздний вечер. Я выбежала на улицу, молча шла по Плющихе. Шла и думала: сейчас дойду до реки и утоплюсь. Утопиться не утопилась, но несколько дней пролежала пластом не вставая. А потом у меня язва объявилась. С ужасными болями отвезли в больницу.

Мне сам Ролан Антонович звонил. Говорил, что я очень талантливая, что у меня прекрасное будущее. Еще сказал, что откроет молодежную студию и сразу меня возьмет. Обещал написать письмо, где все объяснит…»

Утверждение Кристины совпало с ее днем рождения: **25 мая** ей исполнилось 11 лет. А спустя неделю мама сделала ей роскошный подарок – впервые в жизни взяла дочь в зарубежное турне. Их ждала Болгария, куда Пугачеву пригласили в качестве почетной гостьи на фестиваль эстрадной музыки «Золотой Орфей». Как вспоминает Кристина:

«Мне очень повезло, что мама отдыхала со мной именно в июне. Именно тогда у нее случались гастроли в разные социалистические страны – и я уже в десять лет увидела заграницу. Тогда это было все равно что в космос слетать для большинства людей в нашей стране. Но, к счастью, первая поездка была у меня в Болгарию, поэтому какого-то страшного шока, типа – ой, как они живут там за границей! – у меня не случилось. Я познавала все постепенно. Хотя, конечно, и в Болгарии было ощущение заграницы – потому что все очень чисто. Поскольку мама не допускала меня близко, особенно перед концертом, то я практически все время проводила с музыкантами. А это были только мужчины и одна Люся-костюмер. Я везде с ними ходила – на обеды, в магазины. Участвовала даже в обсуждении девушек разных, мимо проходящих. Была в курсе всех событий, вкусов, пристрастий. Вела даже дневник, где все эти переживания и ощущения записывала. От них же узнала, что в Болгарии нужно, например, покупать книжки, потому что там вся русская литература была в свободной продаже, а у нас это было только за талоны от макулатуры. И вот там все отоваривались – Платонов, Беляев и т. д. И я, такая умная, пришла и говорю: «Мама, надо книжки покупать». «Да что ты говоришь!» – сказала мама…»

Тем временем, найдя юную героиню, Ролан Быков не менее тяжело искал ей партнера – актера на роль дедушки Лены. Поначалу на эту роль претендовал Евгений Евстигнеев. Кристина репетировала с ним в течение нескольких недель и все вроде бы складывалось хорошо. По ее словам: «Я была маленькая и многого не понимала и тем более не запоминала. Хотя бы на день, с теперешним моим умом и сердцем, вернуться туда, чтобы запомнить все и всех, уникальных, великих людей отечественной культуры, пережить мгновения, когда с тобой говорили Быков, Евстигнеев, Никулин. А тогда я воспринимала все как должное, как ребенок из артистической семьи: общение с такими людьми для меня было вроде нормы жизни. Дома я часто любила сидеть в уголочке и слушать, как разговаривают мамины друзья…»

Однако у Евстигнеева с ролью что-то не заладилось, и он с дистанции сошел. Тогда эту роль стал примерять на себя сам Быков. Состоялось несколько проб с ним, но и этот вариант режиссера не устроил. Тогда роль была отдана тестю Быкова замечательному актеру Всеволоду Санаеву. К тому времени натянутые отношения между тестем и зятем, которые тянулись несколько лет, уже ушли в прошлое, и Санаев впервые дал свое согласие сниматься в его картине.

В разгар этих событий в семье Кристины случилось горе: из жизни ушел ее дедушка, папа Аллы Пугачевой Борис Михайлович (он скончался **30 июля**). Он воевал на фронте – служил в разведке, был ранен и домой вернулся без одного глаза. За веселый нрав жена звала его Василием Теркиным. Так что своим чувством юмора Пугачева была обязана отцу. И широтой натуры тоже. Он же научил ее никогда и ни перед кем не пасовать. И хотя в последние годы из-за своей загруженности Пугачевой все реже и реже удавалось видеть своих родителей (она и Кристину порой не видела по пять месяцев в году), однако каждый раз, возвращаясь в Москву, она первым делом звонила им, родителям. Говорят, на людях Пугачева редко вспоминала про своего отца, больше про маму. Но эта внешняя черствость ни о чем не говорила – любила она сильно обоих. И когда ей сообщили про смерть родителя, с Пугачевой случилась настоящая истерика. Похороны Бориса Михайловича прошли в Москве **3 августа**.

1 октября 1982 года в Калинине начались съемки фильма «Чучело». Снимались натурные эпизоды, и практически с первых же дней работа складывалась непросто. Во-первых, за день до отъезда в экспедицию от роли дедушки Лены вынужден был отказаться Всеволод Санаев. Почему это произошло, неизвестно: то ли всплыла какая-то болезнь, то ли очередная обида на зятя. В итоге пришлось тратить дополнительное время на поиски другого исполнителя. Им в конце концов станет Юрий Никулин. Причем его утверждение проходило весьма сложно. В худсовете нашлись люди, возмутились: дескать, в главных ролях будут сниматься

клоун и дочь эстрадной певицы! И Быкову пришлось приложить массу старания, чтобы именно этот дуэт сложился на его картине.

Еще одна сложность съемок имела природное происхождение. На дворе стояла осень, погода была пасмурная и рабочий день на съемочной площадке длился всего 3–4 часа (и это несмотря на то что пленка у киношников была самая крутая – «кодак» и «фудзи»). А потом съемки и вовсе едва не остановились по причине несчастья, случившегося с Кристиной Орбакайте. Вот как она сама вспоминает о тех днях:

«Во всей этой истории меня радовало только одно обстоятельство – меня отпустили в экспедицию. А я и в пионерских лагерях никогда не бывала. Слово-то какое замечательное – экспедиция! Я ведь была очень занятой девочкой из благополучной семьи. Школы – простая и музыкальная, дополнительно – уроки английского, и сверх того балетный класс. А тут на несколько месяцев – новая жизнь, без расписания, без забот…

В съемочной группе я была самая младшая, поскольку остальные мои «одноклассники» на год-два были старше меня. Но все массовые съемки прошли феерически для меня. Хотя у героини трагическая история, за кадром мы очень хорошо дружили. Даже вместе ходили в Калинине в вечернюю школу, чтобы не стать второгодниками. Вставали мы в шесть утра и весь световой день были на съемочной площадке…

Но не прошло и недели, как в массовой сцене, когда выбегала из кадра, я неудачно спустилась по лестнице. Мы сняли еще два дубля, а вечером меня отвезли к врачу. У меня оказался перелом руки, а Быков оказался перед выбором: искать или не искать замену главной героине, поскольку были отсняты только массовые сцены. У меня в жизни все начинается с неудач, это примета судьбы: значит, впоследствии все будет хорошо.

Гипс мне прикрыли зеленым шарфиком, а когда гипс сняли, я продолжала в кадре носить шарфик на шее…

Потом к нам приехал Юрий Владимирович Никулин. В начале съемок с ним режиссер дал нам возможность привыкнуть друг к другу в массовых сценах. Потом постепенно люди отсеивались и отсеивались – и мы остались одни…»

В начале **ноября** на съемках возникла очередная трудность: внезапно выпал обильный снег. А по сюжету на дворе должна стоять ранняя осень. Пришлось киношникам прибегать к помощи вспомогательных средств. Перед началом съемок на площадку приезжала пожарная машина, которая водой из брандспойтов расчищала землю от снега. Кроме этого, с юга привезли машину настоящих зеленых листьев, которые смешали с бутафорскими (для нужного количества) и разбросали по земле. Так в кадре создавался осенний пейзаж.

В конце **ноября** съемки в Калинине закончились и в начале следующего месяца возобновились в павильонах «Мосфильма». Там были построены две большие декорации: «школа» и «дом деда». Как вспоминает сама Кристина:

«От «дома деда» пошла основа фильма. Я осталась с ними двумя – Никулиным и Быковым. Мы были в этот период самыми близкими людьми…

Съемки с Никулиным никогда не были тяжкой работой. Мы не играли, мы понимали друг друга. Он был потрясающий человек, с ним было уютно. И это было как воздух естественным для меня. Он будто заменил моего дедушку, был таким внимательным и чутким ко всему, что происходило и со мной, и вокруг нас…»

Скажем прямо, съемки в кино буквально целиком захватили Кристину и на ту же учебу у нее времени практически не оставалось (как мы помним, в Калинине она посещала вечернюю школу). Но однажды произошло событие, которое потрясло ее не меньше съемок – в доме мамы на улице Горького гостили… солисты шведского ансамбля «АББА». В ту пору этот коллектив имел такую же популярность, как некогда «Битлз», поэтому знакомство с его участниками приравнивалось к встрече с небожителями. Правда, в Москву тогда приехал не весь ансамбль, а только его мужская часть – Бьорн Ульвеус и Бенни Андерссон (с ними был еще и знаменитый

либреттист Тим Райс, перу которого принадлежит рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда»). Цель их приезда в **январе 1983 года** была одна: встретиться с Анатолием Карповым, которого они собирались привлечь к созданию своей рок-оперы «Шахматы». Однако советский гроссмейстер от встречи с музыкантами уклонился (так ему якобы посоветовал КГБ). А вот Алла Пугачева от такой встречи не отказалась. К ней в дом шведы пришли по тому же вопросу – ей было предложено исполнить в рок-опере главную женскую роль – жены советского гроссмейстера, оставшегося на Западе.

Несмотря на то, что цель у той встречи была серьезная, а потому присутствие на ней 11-летней Кристины было бы, казалось, неуместным, однако мать не могла оставить дочь в стороне от этого визита – ведь в кои-то веки в их страну и в их дом приехали члены группы «АББА»! Поэтому Кристина была специально приглашена в дом на улице Горького. Кроме нее, все остальные участники встречи были людьми взрослыми: Евгений Болдин, Илья и Мунира Резники (как мы помним, последние уже несколько лет живут у Пугачевой, не имея собственного жилья в Москве). Вот как о той встрече вспоминает Е. Болдин:

«Держались гости очень скованно. Их объяснение этой зажатости было и грустным и смешным. Они признались, что нервничают, не следит ли за ними КГБ.

– Перестаньте волноваться, – сказала Алла, – расслабьтесь. Я сама – майор КГБ.

Все трое приехали к нам с одной целью – чтобы предложить Алле роль в своей рок-опере «Шахматы». Однако прообразом главного героя служил Виктор Корчной. Время было советское – да еще какое советское! – и подобная роль была бы для Пугачевой не только запретной, помыслить о ней было нельзя. Мы попали в сложное положение, так как получалось, что целая делегация приехала в общем-то к нам, а сказать нам было нечего. Алле посоветовали (страна же Советов), что принимать можно, а от роли надо бы отказаться.

И был еще один интересный момент. В первый вечер, когда их привезли к Алле. Познакомились. Они сели за рояль и напевали свои мелодии, Алла сыграла только-только придуманную песню (слов еще не было) «Три счастливых дня». И вдруг они ни с того ни с сего стали играть гимны. Спели шведский, английский, американский, мы вроде бы должны были сразу ответить своим, советским, гимном. Мы затянули «Союз нерушимый…» – но спели только две строчки, переглянулись, никто слов дальше не знал. Кристина, школьница младших классов, дотянула до припева, мы засмеялись, сделали вид, что это шутка, вроде бы слова знаем, но петь дальше не хотим. Тогда я впервые понял, что только люди, уважающие свою страну, знают текст своего гимна и с удовольствием поют его…»

Когда шведы покидали Москву, с ними произошел весьма забавный эпизод, связанный с провозом крупной партии черной икры. Ведь на Западе этот продукт считался еще большим деликатесом, чем в СССР, и стоил огромных денег. Вот шведы и решили увезти на родину как можно больше этого продукта. Что из этого вышло, рассказывает Бьорн Ульвеус:

«Алла пригласила нас к себе домой, накрыв богатый, типично русский стол со всякими закусками и, главное, с черной икрой! Она нам так понравилась, что мы решили прихватить несколько килограммов этого деликатеса с собой в Стокгольм. Однако сделать это было невозможно, поскольку вывоз такого количества икры из СССР был запрещен. Но Алла сказала: «Я вам помогу!» В итоге она вместе с нами приехала в аэропорт. Ее, разумеется, тут же узнали и сразу обступили. Пока Пугачева со всеми общалась, раздавала автографы, мы с Бенни потихоньку прошмыгнули за спинами таможенников. Я до сих пор благодарен Алле за то, что она тогда для нас сделала. Ту икру мы ели, кажется, целую вечность!..»

Тем временем продолжаются съемки фильма «Чучело». К **февралю** была уже отснята большая часть материала, и съемки плавно двигались к своему завершению. Как вдруг случилось ЧП, главным виновником которого стала Кристина Орбакайте.

В финальных кадрах фильма ее героиня, доведенная до отчаяния нападками со стороны своих одноклассников, должна была остричься наголо. Когда фильм только начинал сниматься,

у Быкова был предварительный разговор на эту тему с Кристиной, и она тогда дала свое согласие на такую стрижку. Но к концу съемок внезапно передумала. Что вполне объяснимо: не каждый подросток согласится щеголять лысой головой в школе и на улице. Когда же Быков стал настаивать на своем, у девочки случилась истерика. Она заявила, что ни за что не будет стричься, а если ее будут уговаривать, перестанет сниматься вовсе. Естественно, про этот конфликт тут же стало известно Алле Пугачевой. Далее послушаем саму К. Орбакайте:

«Мама, когда я ее попросила, взяла все на себя. Мама сильный человек и в жизни и в творчестве. А я – ее слабость. Поэтому когда Ролан Антонович сказал мне: «Завтра придешь остриженная», я, придя назавтра с косами, сказала самое для себя простое: «Мама не разрешила». И мама подтвердила, что не разрешает. Я ведь не могла сказать Быкову: «Нет». Вернее сказать-то могла, но настоять – вряд ли. Он же все-таки действительно был моим мозгом и сердцем… А мама могла сказать «нет» кому угодно, чтоб заслонить меня. И сказала…»

Быков сильно переживал случившееся. В сущности из-за прихоти 11-летней девчонки могла погибнуть уже почти отснятая картина, постановки которой он добивался больше года. Дело усугублялось тем, что, когда Быков пришел в гримерный цех с целью узнать, можно ли сделать специальный парик на подростка, ему поначалу ответили отказом. Дело в том, что таких париков на студии никогда еще не делали и никто не мог дать гарантии, что даже если его сделать, то он будет хорошо смотреться в кадре. Короче, проблем из-за строптивости Орбакайте появилось выше крыши. Вот когда недоброжелатели Пугачевой порезвились вволю. «Мы вас предупреждали!» – говорили они Быкову.

Вспоминает К. Орбакайте: «Непростыми были наши отношения с Роланом Антоновичем. И обожание, и детская ревность, и чувство независимости, и подростковое упрямство. Помню, однажды, когда я в очередной раз вырвала свою руку (когда что-то объяснял, то обычно он отводил меня в сторонку и брал за руку), Ролан Антонович сказал: «Деточка, пройдет десять лет, и я стану для тебя лучшим воспоминанием детства, лучшим другом». А я ему крикнула: «Нет! Никогда!»…

Короче, я обиделась на Ролана Антоновича, какая-то вредность поперла из меня. Может, из-за той большой нагрузки, которая свалилась на меня…»

Вполне возможно, что решение Пугачевой запретить дочери стричься наголо было вызвано не только каким-то упрямством Пугачевой или материнским инстинктом, но и творческими причинами. Дело в том, что именно тогда она впервые вывела Кристину в свет – снялась с ней в «Голубом огоньке», приуроченном к **8 Марта**. Мать и дочь спели дуэтом песню Марка Минкова и Вероники Тушновой «А знаешь, все еще будет». Судя по всему, желание создать этот дуэт возникло у Пугачевой не случайно – незадолго до этого то же самое проделала другая звезда советской эстрады – Эдита Пьеха, которая в одном из «Огоньков» выступила дуэтом со своей дочерью Илоной. Правда, этот показ ничего хорошего семейному тандему не принес – дочка Пьехи откровенно разочаровала многомиллионную аудиторию своей крупной комплекцией (на фоне всегда женственной и хрупкой матери). Однако в случае с Пугачевой все вышло несколько иначе: здесь мать и дочь выглядели более выигрышно как по части вокала, так и чисто внешне.

Хорошо помню этот показ – он вызвал небывалый интерес у публики, поскольку до этого миллионы советских людей хорошо знали, что у Пугачевой есть дочка, но в глаза ее не видели (появление Кристины на голубом экране в 7-летнем возрасте с детской песенкой Эдуарда Ханка про солнышко было не в счет – его видели немногие). Поэтому, когда было объявлено (через рекламу, прессу, в частности в популярном ТВ-ежедневнике «Говорит и показывает Москва», выходившем по четвергам), что в «Огоньке» выступит семейный дуэт Пугачевых, к экранам прильнули даже те люди, кто передачу смотреть по разным причинам не собирался. И разговоров потом об этом выступлении было много: люди горячо обсуждали внешность Кристины, сходясь во мнении, что на маму она ну нисколечко не похожа.

Отметим, что эту запись потом показывали по ТВ неоднократно: например, включили ее в один из выпусков программы «Песня года» (эфир от **12 мая**). Однако вернемся на некоторое время назад.

В том, что Пугачева решилась вывести свою дочь в эстрадный свет, можно было заподозрить и определенную меркантильность со стороны Пугачевой. Дело в том, что это случилось аккурат в то самое время, когда только-только закончился бракоразводный процесс с ее прежним мужем Александром Стефановичем. Причем расходились они, прямо скажем, некрасиво – с дележкой имущества, взаимными упреками. И хотя в прессе этот скандал не освещался (в Советском Союзе на подобные истории из жизни звезд было наложено табу), однако слухи в народе об этом все равно распространялись. Что, естественно, самым неблагоприятным образом сказывалось на имидже Пугачевой. Вполне вероятно, в целях вернуть себе статус добропорядочной жены и матери Пугачева и предприняла эту попытку – вывела на сцену свою дочь в паре с собой. Но она не учла одного: реакции ее недоброжелателей, которых всегда хватало. В итоге очень скоро после первого появления матери и дочери на экране про них стали распространяться самые невероятные слухи. Порой даже жуткие. Например, лично я хорошо помню слух о том, как Пугачева в собственном гараже, неосторожно управляя своим автомобилем… насмерть задавила Кристину. И находилась масса людей, которые в подобные слухи верили: они звонили в редакции газет, писали письма на ТВ, буквально умоляя подтвердить (или опровергнуть) подобные слухи.

Но вернемся к событиям весны **83-го**.

Накануне показа «Огонька» с совместным выступлением Пугачевой и Орбакайте – **6 марта 1983 года** – были возобновлены съемки «Чучела». Гримерам «Мосфильма» с большим трудом удалось-таки изготовить злосчастный парик для Кристины, чтобы она смогла досняться в нем в финальных кадрах картины. Черная кошка, которая пробежала между Быковым и Орбакайте, исчезла благодаря стараниям Юрия Никулина. Именно он сумел помирить режиссера и актрису. Спустя пару недель съемки ленты были благополучно завершены и начался ее монтаж. Кристина в нем тоже участвовала – в течение нескольких дней ездила на студию для озвучивания своей роли.

20 апреля на «Мосфильме» собрался худсовет, чтобы обсудить черновой вариант картины. Заседание получилось бурным: многие из присутствующих упрекали Быкова в том, что он снял жестокое кино, пропагандирующее подростковую жестокость. «Где гуманизм?» – вопрошали хулители ленты. В итоге режиссера обязали подвергнуть материал серьезной корректировке «для выявления гуманистического смысла фильма». После этого худсовета Быков слег с инфарктом. **26 апреля** должен был начаться окончательный монтаж ленты, но он сорвался по причине болезни режиссера. Проболеет Быков более трех (!) месяцев. Воистину этот фильм дался ему большой кровью и отнял у него несколько лет жизни.

Что касается Кристины, то она об этих мытарствах фильма тогда даже не догадывалась, пребывая в полной уверенности, что все идет как надо. И вообще у нее тогда были другие проблемы – надо было наверстывать в школе упущенное на съемках время. И она наверстывала, хотя, скажем прямо, в отличниках никогда не ходила, пребывая в роли прилежной хорошистки. Тем более у нее была двойная нагрузка, поскольку она училась не в одной, а сразу в двух школах (еще и музыкальной). Поэтому иной раз нервы у нее не выдерживали: когда ей надоедало разучивать гаммы, она запиралась в ванной и включала воду, чтобы не слышать бабушкиных причитаний.

Между тем поздней осенью состоялась очередная сдача «Чучела». **24 ноября** фильм принимали в Госкино. И опять все складывалось весьма непросто. На этот раз на Быкова «наехала» Главная сценарно-редакционная коллегия Госкино (ГСРК). Упрек был тот же: много жестокости. Быкову предлагались следующие купюры: сократить эпизод у парикмахерской (обстрел подростками Лены Бессольцевой из трубочек), полностью вырезать драку школьниц

и равнодушное взирание на это ребят, сократить погоню соучеников за Леной, вырезать истерику Лены на кушетке в доме деда и план спокойно репетирующих и марширующих суворовцев, на фоне которых бежала затравленная Лена. Какие-то из этих рекомендаций Быкову пришлось осуществить, но подавляющую часть рекомендованного к выбросу в корзину он все-таки оставил в картине. Произведенные им купюры удовлетворили руководителей Госкино, и лента была-таки принята. В заключении, которое было дано фильму, выделю всего лишь один отрывок, напрямую относящийся к героине нашего рассказа. Цитирую: «Особо следует отметить незаурядное по своей драматической насыщенности исполнение роли Лены Бессольцевой школьницей Кристиной Орбакайте».

И опять Кристина была далека от всех этих перипетий, занятая учебой, а также свалившейся на нее в том году эстрадной судьбой: в начале декабря (**10—11-го**) она вместе с мамой снималась в концертной студии «Останкино» в финальной «Песне года» – они исполняли все ту же песню «А знаешь, все еще будет».

Встретив Новый **1984 год** в Москве, Кристина вместе с бабушкой Зинаидой Архиповной отправилась на зимние каникулы в Зеленоград: каталась на лыжах, гуляла в зимнем лесу. Пугачева навестила их там в начале января. А **9 января** мать и дочь (в компании с Евгением Болдиным) отправились в Дом кино, где состоялась премьера многострадального фильма Ролана Быкова «Чучело». Фильм буквально потряс всех присутствующих. Даже те, кто на дух не выносил Аллу Пугачеву, вынуждены были признать, что ее дочь – главное открытие фильма. Однако мало кто из присутствующих на том просмотре подозревал, что впереди фильм ждут еще большие испытания.

Дело в том, что одним из первых его зрителей стал член Политбюро, первый секретарь МГК КПСС Виктор Гришин. Фильм ему крайне не понравился. Он разглядел в нем то же, что до этого находили и цензоры: антигуманность. Но поскольку у ленты были свои влиятельные покровители, в частности помощник самого Андропова генерал КГБ Шарапов, Гришин решил призвать себе на помощь профессионалов – преподавателей (фильм-то был про школьников). В те дни в Москве проходила очередная учительская конференция, и была дана команда показать ее участникам «Чучело». Но Гришина ждало разочарование: картина учителям понравилась. Однако история на этом не закончилась, о чем речь еще пойдет впереди.

Вскоре после премьеры «Чучела» Пугачева и Кристина отправились на гастроли в ГДР. И там Пугачева чуть было… не сбежала на Запад. Вот как об этом вспоминает бывший сотрудник КГБ СССР С. Соколов:

«В **1983-м** – начале **1984-го** я работал в Берлине. Тогда Пугачева вместе с дочерью гастролировала по ГДР. Мы держали Пугачеву в поле своего зрения и даже дали ей кодовое имя – Лара. Переводчиком у нее работала немка – наш человек, одна из тех, с кем и я непосредственно сотрудничал. Вот она и открыла, что Пугачева вела странные переговоры с прилетевшим в Германию французским импресарио. Француз предложил Пугачевой: «Алла, бросай эту паршивую страну, поехали во Францию. Все у тебя будет». Алла ответила: «Я пока не знаю. Я боюсь за Кристину, девочке надо учиться». Но все же дала согласие.

После чего француз описал план: Алла должна была как туристка приехать в Западный Берлин, а оттуда самолетом улететь в Париж. О беседе мне рассказала переводчица, после чего я все сообщил в Москву. Ведь это считалось государственным преступлением: статья 64 Уголовного кодекса РСФСР «измена Родине в форме бегства за границу». Там попросили оформить информацию. Переводчица собственноручно все услышанное изложила на бумаге.

Через месяц Пугачеву вызвал начальник 5-го управления генерал-лейтенант Филипп Денисович Бобков. Беседа длилась два часа. Бобков, как мне передали, ей сказал: «Алла Борисовна, имейте в виду, вы нам нужны здесь. Вас любит вся страна, а что вы там будете делать? Петь в борделях и кабаках?» Алла во всем призналась и сказала, что Родину никогда не продаст, а тот разговор был минутной слабостью…»

В те же дни благополучно разрешилась и судьба фильма «Чучело». Как мы помним, его ярым сторонником был помощник Андропова генерал КГБ Шарапов, а противником – член Политбюро Виктор Гришин. **9 февраля** было назначено очередное обсуждение фильма в столичном Доме пионеров, как вдруг случилась беда: в этот день из жизни ушел Юрий Андропов. Гришин торжествовал победу. Но, как выяснилось, рано. К руководству страной хоть и пришел другой человек – Константин Черненко, но помощником у него оказался Леонид Печенев, которому «Чучело» тоже нравилось. И фильму была дана «зеленая улица». Говорят, Быков всю жизнь был благодарен этим людям, которые в то непростое время взяли на себя ответственность и помогали ему, – Шарапову и Печеневу.

Между тем успех совместного дуэта Пугачевой и Кристины Орбакайте заставил первую всерьез задуматься о будущей судьбе своей дочери. К тому времени Пугачева уже не сомневалась, что дочь должна пойти по ее стопам – правда, речь шла не о карьере певицы, а танцовщицы. Для этого Кристина в свое время была отдана в балетную школу, которая многое ей дала. Однако в классический балет она идти не захотела, в результате чего они с мамой сошлись на другом варианте – эстрадных танцах. Так в **1984 году** Кристина оказалась в танцевальном ансамбле «Рецитал», который работал с ее матерью.

Если в обычной школе Кристина большими талантами никогда похвастаться не могла, то в музыкальной наоборот – ее часто хвалили за способности. В конце **октября 1984 года**, когда она сдавала экзамены там, все у нее прошло хорошо. Приехав в тот день вместе с бабушкой к матери на улицу Горького, девочка вся светилась от счастья и тараторила: «Ой, провалилась! Шопена не знала, а сыграла хорошо, а Баха назубок знала, но как застряла, так дальше ничего и не помню». Вся семья светилась счастьем. Дочка с бабушкой в тот день остались ночевать у Пугачевой. Правда, спать пришлось в тесноте, поскольку спальных мест на всех не хватало – в доме, как мы помним, жили еще супруги Резники с сыном Максимом. Поэтому спустя несколько дней после этой ночевки Пугачева и Резник отправились в магазин, чтобы купить две раскладушки – для Кристины и Максима. Но с первого захода этого сделать не удалось – раскладушки оказались в дефиците. Тогда они купили гантели, а раскладушки приобрели чуть позже.

В те же осенние дни у Пугачевой выпал еще один случай для гордости за собственную дочь. В **ноябре** свет увидел очередной номер журнала «Советский экран» (№ 20), где была опубликована статья кинокритика Ю. Богомолова про недавно вышедший на экраны страны фильм «Чучело». Статью певица читала в кругу друзей у себя дома **9 ноября**, вернувшись из «Олимпийского» с репетиции своей программы «Пришла и говорю». Скажем прямо, хвалебной эту статью назвать было нельзя, это была, скорее, критическая публикация. Цитирую: «Складывается впечатление, что авторы, обозначив проблему знаками тревоги, избегают не только ответов на связанные с ней вопросы, но и самих поисков».

Однако, бросая упреки авторам фильма, критик в то же время с самой положительной стороны отмечал игру нашей героини. Цитирую: «Органична московская школьница Кристина Орбакайте в трудной роли Лены Бессольцевой; юной актрисе удалось соединить в характере своей героини черты, казалось бы, взаимоисключающие друг друга: простоватость и странность, обыкновенность и недюжинность, внутреннюю сосредоточенность и душевную открытость…».

Кто-то из присутствующих после этого пассажа произнес: «Неужели это наши дети?!» На что Пугачева голосом, не терпящим возражений, произнесла: «Наши это дети, наши!»

Ровно два месяца спустя – **8 декабря** – в газете «Советская культура» были опубликованы два письма читателей о фильме «Чучело». Одно письмо было хвалебное, другое критическое. Автор последнего – житель Ульяновска В. Марцинкевич писал: «Прекрасно играют дети, но приглядишься повнимательнее и увидишь… маленьких взрослых. Безусловно, очень

пластична, тонка, профессиональна, если хотите, игра Кристины Орбакайте, но играет-то она не девочку-подростка, а женщину, по меньшей мере лет тридцати…».

В **январе 1985 года** квартиру на улице Горького покинула чета Резников, которые проживали там с **августа** прошлого года, а теперь переехали в новую квартиру в Крылатском. И хотя Пугачева прекрасно понимала, что рано или поздно это событие должно было произойти, на душе у нее все равно было грустно. За эти почти полгода совместного проживания она успела привыкнуть к Резникам, ей нравилось это «коммунальное» житье-бытье, и она была бы не прочь, чтобы оно продолжалось и дальше. Но не в ее силах было что-либо изменить. Отныне в четырехкомнатных хоромах на улице Горького остались жить трое: Пугачева, Болдин и Люся Дороднова. Кристина продолжала обитать у бабушки, но в скором времени мать заберет ее к себе.

Отметим, что после смерти мужа Зинаиде Архиповне стало тяжелее в одиночку воспитывать внучку. Но она продолжала это делать, поскольку сильно ее любила. Кроме того, она прекрасно понимала, что в доме у дочери хороших условий для воспитания нет. Ей не нравилась тамошняя атмосфера, которая часто была отнюдь не творческой, а богемной. Кстати, во многом из-за этого от Пугачевой ушел композитор, который много сделал для того, чтобы она стала суперпопулярной – Раймонд Паулс (они сотрудничали в **1981—1984 годах**). По его же словам:

«Наши застолья у Пугачевой иногда заканчивались не очень приятно. В том числе и для меня. Всякое бывало там. И очки мне разбивали, и словами всякими обзывали. Кто? Пугачева – кто же еще? Когда Алла Борисовна выпивала больше нормы, то начинала творить такое, что мало не казалось. Черт знает что выписывала. Правда, со мною не дралась. Я был на особом положении и только наблюдал за всем происходящим. Обзывать – да, обзывала. Алла никогда за словом в карман не лезла, могла брякнуть все, что в голову приходило. Во всяком случае, я не решусь повторить ее сочные тирады…»

Сами понимаете, отпускать юную внучку в такие условия ее бабушка не хотела. Однако и у Пугачевой были свои резоны. Во-первых, Зинаиду Архиповну все чаще стало подводить здоровье, а воспитание подрастающей внучки требовало затраты значительных сил, а во-вторых, ее дочь хотела, чтобы Кристина начала побыстрее взрослеть. И в последнем она была права. До этого Кристина была чисто домашним ребенком, воспитываясь в тепличных условиях. Однако, если она собиралась выбрать карьеру артистки, да еще эстрадной, то те методы воспитания, которые практиковала бабушка, мало могли ей пригодиться.

Скажем прямо, сама Кристина прекрасно отдавала себе отчет, что жизнь вместе с мамой у нее будет отнюдь не сахар (находить общий язык с бабушкой ей, конечно же, было гораздо легче). Однако с другой стороны, если бы мама захотела, ей бы пришлось подчиниться – спорить с мамой мало кто мог. О том, как порой нелегко проходили взаимоотношения матери и дочери, последняя вспоминает следующим образом:

«С мамой я один раз столкнулась в детстве, лет в 10, – с меня хватит. В меня просто летело все, что было под рукой. И я поняла, что с мамой в этом смысле лучше не связываться. Лучше словесно убеждать друг друга. После этого я с ней на конфликты не иду…»

А вот еще одно воспоминание на этот счет – Е. Болдина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.